

*С любовью и благодарностью моему мужу,
который уже больше двадцати лет
позволяет мне делать все,
что я считаю нужным*

ПРОЛОГ

1665 год

Мастер был доволен. Отойдя от раскаленного горна, он внимательно осмотрел получившиеся плитки. Все они удались на славу — с точными линиями, богатыми красками и живостью образов. Из сияющих четырехугольников складывался выпуклый красочный узор. В центре каждой плитки располагалась белая раскрывшаяся чаша, обрамленная желтоватого цвета венком. Два голубых стебля, прописанных точно над венком, затем зеленые и голубые цветы — плитка дышала, будто напоенная силой травы и летнего ветра.

Промежутки между изразцами он заполнит нанесенными на темно-голубой фон зелеными, белыми и желтыми ветвями, сочными, полными радости и красоты. Зимой, когда церковная кровля покроется белым снегом, изразцовый узор будет особенно радовать глаз, напоминая о луговой траве и раскрывающихся ранним предрассветным утром кувшинках.

Мастер отложил плитки и вышел из оборудованной на скорую руку гончарной мастерской на улицу. В небесной сини растворялась белизна только что построенного храма, для отделки которого его и пригласил владелец усадьбы. Да что там пригласил — выпросил у могущественного патриарха Никона его лучшего ценинника! А тот разве посмел бы ослушаться?

Хозяйский дом был построен еще не полностью. Сначала возводили именно храм, и Степан в очередной раз

одобрил правильный подход хозяина усадьбы, который Бога чтит больше, чем себя. Березовая роща за церковью шелестела нежной зеленой листвой, напоминая мастеру о Беларуси, где он родился и вырос.

С легкой тоской вспоминал Степан родной Мстиславль, из которого его привез «полоном» князь Алексей Никитич Трубецкой. Да что толку вспоминать о минувших днях! Вряд ли на родине его талант оказался бы востребованным в такой мере, как здесь. Сейчас он уважаемый изразцовых дел мастер, старший среди ценинников. За плечами работа по украшению Новоиерусалимского и Иосифо-Волоколамского монастырей, высоко оцененная самим Никоном, который приблизил его, Степана, к себе.

И свой неповторимый стиль, и авторский рисунок, однажды привидевшийся ему в ночной грезе полусна-полуяви и ставший его визитной карточкой — керамический фриз «павлинье око», — Степан придумал именно здесь, в России. Восемь лет понадобилось на то, чтобы отточить его до совершенства. Именно столько времени ушло, чтобы под патронажем Никона сделать изразцы для Воскресенского собора на Истре.

И вот он здесь, в усадьбе Артемия Болдырева, чтобы повторить свой шедевр на храме рядом с господским домом. Недешево это обходится, ну да у богатых, как известно, свои причуды. Может быть, он даже согласится выложить «павлинье око» на печи в главной усадебной зале. Почему бы и нет? Но это будет единственный дом в России, да и в мире, пожалуй, где подобная техника будет использована на печи.

Еще раз вдохнув запах свежеебожженной плитки, на которой цвел цветок граната, дающий неуловимое сходство с глазом заморской птицы павлина, Степан прикрикнул на отвлекшихся подмастерьев и принялся за работу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ноль внимания

*Все, что ты можешь,
это быть готовой к лучшему.
Чтобы, когда это лучшее придет,
пригласить его зайти,
потому что ты нуждаешься в нем.*

Нина Добрев

Тридцатичетырехлетняя женщина, которая весит семьдесят девять килограммов и воспитывает двоих детей, оставшихся ей в наследство после бурного и тяжелого развода, не имеет ни малейшего шанса на новое замужество.

Лера Соболева была полностью согласна с этой прописной истиной, о которой ей постоянно твердили бабуля и жизненный опыт. Им обоим Лера привыкла доверять. Ни бабуля, ни жизненный опыт ее никогда не подводили.

Тем не менее в данный момент она стояла на мохнатом, не первой свежести ковре перед распорядительницей городского ЗАГСа и сочеталась законным браком. Ее брали в жены вместе с восьмьюдесятью девятью килограммами, Степкой, Антошкой, возом неразрешенных проблем и кучей комплексов, терпеливо и любовно возвращенных предыдущим мужем.

Бабуля, стоя в первом ряду гостей, аккуратно утирала слезы скомканным кружевным платочком. Степка и Антош-

ка, одетые в строгие костюмы с бабочками, с независимым видом рассматривали огромный зал с лепниной под потолком. А жизненный опыт был решительно упрятан под складки свободного белого платья, и Лера строго следила, чтобы в самый неподходящий момент он ненароком не вылез, а она сама вследствие этого ничего не учудила. Она вполне могла бы сбежать с собственной свадьбы. С нее бы стало.

«Может, он все-таки извращенец?» – размышляла она, поглядывая на стоящего рядом мужчину, то есть теперь уже мужа, которому на ее жизненный опыт вкупе с килограммами было решительно наплевать.

Муж на извращенца был не похож. Обычный среднестатистический мужик, работающий сменами в МЧС. Высокий, плотный, достаточно упитанный, с начинающими редеть волосами. По вечерам он любил выпить бутылочку пивка, в выходные благосклонно относился к затеянному Лерой пирогам, с Антошкой собирал модели самолетов и фрегат, а Степке подарил первый в его жизни айфон. Дети его обожали и слушались гораздо лучше, чем мать.

– Зачем я тебе? – регулярно спрашивала у мужа, тогда еще потенциального, Лера, которая прекрасно понимала, что как подарок судьбы не может рассматриваться даже в первом приближении.

– Да люблю я тебя, идиотку, – неизменно отвечал он.

«Может, и правда любит», – уныло думала Лера, разглядывая себя в большое зеркало, намертво вмонтированное в стенной шкаф-купе. Если бы зеркало можно было выдрать без ущерба для дорогостоящей мебели, Лера обязательно бы это сделала. Зеркала она ненавидела так же сильно, как свое в них отражение.

Мужа звали Олег Золотов. Познакомились они у общих друзей, которых, как потом выяснилось, и друзьями-то было назвать трудно. Леру затащила туда старая, с детских лет, подружка Злата, недавно вышедшая замуж за какого-то потрясающего мужика, чуть ли не олигарха, и ставшая вследствие этого Аржановой¹.

Идти в гости Лера категорически не хотела. С утра она опять выясняла отношения с теперь уже бывшим мужем, который наматывал ее нервы на кулак почище корабельного каната. Она уже и поплакать успела над своей ничемной жизнью, и пожалеть себя, и от души позлиться, что уродилась такой во всех отношениях неудалой. На работе у нее все валилось из рук, и новый начальник цеха смотрел на нее совсем уж неодобрительно. Конечно, то, что Лера его раздражает, было понятно с самого начала, но сегодня его неудовольствие было совсем уж выразительным. Оно было таким густым, что его можно было резать ножом, как хорошее масло.

Уж в чем в чем, а в масле Лера разбиралась, потому что институт закончила по специальности «технолог молочного производства», и цех, в котором работала, был одним из цехов молочного комбината, лучшего в области.

В общем, позвонившая в самый разгар ее плохого настроения Злата оказалась очень некстати, но отцепиться от нее было совершенно невозможно. Если Злата считала, что поступает правильно, остановить ее мог только новоиспеченный муж, да и то не всегда.

Так Лера оказалась в какой-то чужой квартире, за одним столом с людьми, которые, за исключением Златы,

---

¹ Подробнее в романе Людмилы Зарецкой «Мой любимый сфинкс».

были ей совершенно незнакомы. И неинтересны. Впрочем, довольно быстро выяснилось, что один из мужиков, представившийся Олегом, очень даже занятный собеседник. Настолько, что где-то через полчаса они вдвоем тихонько смылись из гостей, чтобы съездить к церкви Успения Пресвятой Богородицы и на месте разрешить спор по поводу некоторых атрибутов ее убранства. Лера знала про церкви все, потому что диссертация ее мамы-искусствоведа как раз касалась убранства церквей. Но в данном конкретном споре неожиданно победил Олег, вдоволь насмеявшийся над ее непомерным удивлением этим обстоятельством.

Как-то так получилось, что они оказались у нее дома и долго и обстоятельно пили чай на кухне, отогреваясь после прогулки по морозным улицам. И как-то уж совсем незаметно для Леры новый знакомый воспользовался тем, что дети в связи с зимними каникулами были отправлены к бабушке, и остался ночевать. Аккурат к концу каникул он уже перебрался в соболевскую двушку с вещами. Лера даже глазом моргнуть не успела.

Больше всего ее поразило, что ради ее сомнительных прелестей Золотов оставил вполне себе приличную жену сорок шестого размера. К жене прилагалась еще и дочь – нежное создание шестнадцати лет, и наличие дочери Леру мучило особенно. Она искренне верила, что на чужом горе счастья не построишь. Но Олег все ее аргументы развеял в один присест, сразу заявив, что «любит ее, идиотку».

Спустя два месяца он получил развод, а еще через месяц они поженились. Такое стремительное развитие событий Леру пугало чрезмерно, но воля ее была парализована еще в баталиях с первым супругом, поэтому она сдалась на

милость победителя, который ей, как на грех, сильно нравился.

В том, как он, похрапывая, спал, как ел, как пил свое пиво, как целовал ее, Леру, было что-то настоящее. Мужское. Он все делал основательно и со вкусом, начиная от прибивания всего того, что требовалось прибить в ее доме, оставшемся без мужского пригляда, до занятий любовью, которые доводили Леру до полного умопомрачения. Она даже не знала, что в постели с мужчиной положено испытывать такие ощущения, и уж совершенно точно была убеждена, что ни на что подобное не способна.

Они вместе гуляли по парку, подкармливая отошавших за зиму белок. Вместе водили детей смотреть на ледоход. Вместе пили вино в маленьком подвальчике неподалеку от дома. Вместе жарили по вечерам картошку. И вместе придумывали «казнь египетскую» для Лериного начальника цеха, который продолжал всячески выказывать ей свое нерасположение. Ей было искренне непонятно, отчего он на нее так взъелся, потому что работником она была неплохим. Даже хорошим.

В отличие от начальника, который ее постоянно нервировал, новый муж распространял спокойствие и негу. Вот только легкая фантастичность происходящего и легкая же тревога, что все это может в одночасье кончиться, мешали Лере полностью расслабиться и получать от жизни удовольствие.

– Дурында ты, – смеялась подруга Злата. – Все же хорошо. Живи и радуйся. Нет, надо обязательно в черные тона все окрашивать.

– У меня тревожность повышенная, – слабо оправдывалась Лера. – Кроме того, знаешь, я, как ветеран боевых

действий, имею неуравновешенную психику, искалеченную войной. И тот факт, что боевые действия я вела со своим законным супругом, ничего не меняет. Мне нужен курс реабилитации.

– Вот твой Золотов и устроит тебе этот самый курс, – убежденно сказала Злата. – Лерка, он хороший. И действительно тебя любит. Что тебе кажется странным?

– Меня невозможно любить! – вскинулась Лера. – Я толстая. У меня двое детей, которые все время что-то спрашивают, роняют, бьют и жутко шумят. Тихий семейный вечер в нашей квартире просто невозможен, понимаешь?

– А с чего ты взяла, что ему нужен тихий семейный вечер? – пожала плечами Злата. – Может, ему как раз нравится весь этот шум и гам. Мальчишки у тебя прекрасные. Шkodные, конечно, но добрые. А то, что тебя невозможно любить, так это глупость какая-то несусветная. Ты бы для начала сама себя полюбила – глядишь, и все остальные бы подтянулись. Тем более что двое уже есть.

– Какие двое? – насторожилась Лера.

– Я и Золотов.

– Ну, тогда уж и Степка, и Антошка, и мама, и бабуля.

– Вот видишь. Людей, которые тебя любят, очень много. Так что не кисни, – бодро заключила Злата.

Лера всеми силами старалась следовать совету подружки и не киснуть, но нет-нет да сбивалась на мысль, зачем она нужна Олегу, да еще так сильно, чтобы на ней жениться. Ей казалось, что свадьба, крики «горько», звон бокалов с шампанским происходят в каком-то сне и что она вот-вот проснется и вернется к реальности, в которой ничему этому нет и не может быть места.

От своих мыслей она очнулась лишь в тот момент, когда муж попытался взять ее на руки, чтобы снести вниз по лестнице. И забилась у него в руках, как подстреленная птица, чтобы не дать ему упасть вместе со своей неподъемной ношей, не позволить опозорить себя перед родней и друзьями, не дать подчеркнуть лишний раз, какая она тяжелая и...

– Если ты перестанешь елозить, мне будет гораздо легче, – шепнул он ей в ухо и понес как пушинку, ступая уверенными шагами и не выражая ни малейшего намерения уронить ее или упасть самому.

Все-таки он был очень основательный мужик, этот самый Олег Золотов, и она вдруг сильно обрадовалась тому, что он придумал на ней жениться.

«Может, я зря боюсь? – мелькнуло у нее в голове, и она покрепче вцепилась ему в плечо, устраиваясь поудобнее. – Все обязательно наладится!»

* * *

«Все обязательно наладится», – думала Татьяна Ивановна, обходя свое большое и требующее неусыпного контроля хозяйство.

Уникальный памятник истории, культуры и архитектуры, построенная в середине семнадцатого века и заметно реконструированная в веке девятнадцатом усадьба Горка, более известная по имени своих многовековых владельцев дворян Ланских, была единственным местом в области, где сохранились все хозяйственные постройки: барский дом, дом управляющего и садовника, людские избы, амбары,

конюшни, жеребятник, маслодельня и даже шорная мастерская.

Все это, конечно, находилось в ужасном состоянии, но в 1991 году усадьба была передана в собственность областного музейного объединения, Татьяна Ивановна взяла на свои плечи тяжкий труд реставрации и реконструкции, и вот уже почти четверть века была здесь бессменным директором.

Она улыбнулась, вспоминая, с какой малости приходилось начинать. Но сегодня реставрационные работы были практически закончены, даже барский дом полностью восстановили. Внутри его сохранилось анфиладное построение, лестница, ведущая на второй этаж, с перилами и точеными балясинами, филенчатые двери, кафельные печи. Почему-то только главная печь в центральной гостевой зале была без изразцов. Это указывало на какую-то загадку, но разгадывать ее было некогда, поэтому печь восстановили, прочистили дымоходы и просто побелили. Про себя Татьяна Ивановна решила, что когда-нибудь, когда позволят финансы, обязательно закажет на печь новые изразцы, хотя бы отдаленно напоминающие старинные.

Усадьба располагалась за городом, на высоком и обрывистом берегу Волги, откуда и пошло ее название – Горка. Владельцы усадьбы Ланские были близкими родственниками того самого генерала Ланского, за которого вышла замуж вдова Пушкина Наталья Николаевна. Татьяне Ивановне было приятно думать, что, возможно, красавица Натали Гончарова когда-то приезжала сюда, ходила по дорожкам старого парка, точнее, березовой роши, которая была любовно выращена перед расположенным рядом с барским домом храмом.

Храм был еще старше, чем барский дом. Возведенный в семнадцатом веке, он не подвергался перестройке и был разрушен гораздо сильнее. Одетый в строительные леса, он медленно восстанавливал свой первоначальный облик, вот только из-за вечной нехватки финансирования работы продвигались медленно. Слишком медленно. И Татьяна Ивановна все чаще молилась о том, чтобы Господь послал ей силы довести начатое до конца, передать усадьбу в другие руки в полном ее великолепии.

О том, чьи это будут руки, Татьяна Ивановна старалась не думать. Дело всей ее жизни могло быть в одночасье разрушено первым же нерадивым директором или корыстолюбивым чиновником. Барская усадьба оставалась лакомым кусочком для нуворишей, которые, не стесняясь, изъявляли желание здесь жить, и только статус федерального памятника пока еще хоть как-то спасал усадьбу от их захватнических поползновений.

Земля неподалеку, где когда-то располагались пашни и заливные луга самого крупного в области колхоза, давным-давно была переведена из сельхозугодий в землю для индивидуального строительства. Со второго этажа барского дома виднелись ярко-красные крыши крутых особняков, владельцы которых не особенно гордились тем, что им довелось жить в историческом месте.

Не все, правда. К примеру, восстановление храма велось на деньги жившего здесь предпринимателя Петра Карасева. А многие экспонаты в барский дом приобрела на свои средства и передала в дар музею владелица строительной фирмы Элеонора Бжезинская, да и многие другие помогали, понемногу внося вклад в общее дело.

Но были и такие, с кем Татьяне Ивановне приходилось, в прямом смысле слова, воевать, чтобы они не пытались захватить принадлежащую музею территорию, не разрешали своим детям обирать яблоки, залезая на старые яблони фруктового сада, а главное – не вырубали защитную полосу из высаженных в конце семидесятых годов двадцатого века канадских кленов, со всех сторон обрамляющих усадьбу, заросшие колхозные поля и состоящий из особняков поселок.

Клены посадил ее отец. И Татьяна Ивановна, как коршун, зорко оберегала каждое дерево, не ленилась ходить на собрания в администрацию поселка, отстаивать правду в областной администрации и комитете по экологии. Пока победителем всегда выходила она. Несмотря на маленький рост, хрупкость фигуры, сохранившей девичью легкость, несмотря на приближающийся пятидесятипятителетний юбилей, тихий голос и интеллигентность, характер Татьяна Ивановна имела решительный и неизменно добивалась того, чего хотела.

Сейчас она хотела приобрести оборудование для шорной мастерской. Идея состояла в том, чтобы запустить в усадьбе интерактивную программу с катанием на лошадях, изготовлением шор по старорусской технологии, распиванием домашнего кваса, а также обязательным посещением магазинчика, торгующего изделиями из кожи. Выведение музея на самоокупаемость было ее мечтой. Альфой и омегой.

Пока дело не сдвинулось с мертвой точки, потому что собрать нужное количество чиновных закорючек на нужном количестве бумаг никак не получалось. Но Татьяна Ивановна и не думала сдаваться.

– Все обязательно наладится! – снова повторила она, зашла в барский дом, чтобы осмотреть его перед началом нового экскурсионного дня, и практически сразу наткнулась на разбитое окно в гостевой зале.

Грязные следы на полу со всей очевидностью доказывали, что ночью здесь кто-то был.

– Марина, Марина! – позвала Татьяна Ивановна, у которой в ушах запульсировала кровь. Взлом барского дома был происшествием вопиющим и требовал принятия экстренных мер. На крик в зал вбежала ее заместительница, а по совместительству – экскурсовод Марина. – Кто вчера дом закрывал?

– Я, Татьяна Ивановна, – девушка с недоумением смотрела на начальницу. – Это же всегда я делаю.

– А ты на охрану дом поставила?

– Нет, – недоумение в голосе Марины сменилось легкой тревогой. – Татьяна Ивановна, мы же с вами сами решили пару дней назад, что, пока датчики не отремонтируем, делать этого не будем. Неужели вам не надоело каждую ночь по тревоге вскакивать?

Установленная недавно новая сигнализация действительно была настроена таким образом, что включалась от малейшего ветра. Почти каждую ночь Татьяне Ивановне, которая жила в собственном доме на участке, граничащем с усадьбой, приходилось вскакивать с постели и вместе с вневедомственной охраной приезжать на объект, чтобы убедиться, что все в порядке.

От постоянного недосыпа она так измучилась, что согласилась на разумное предложение Марины не включать сигнализацию, пока фирма-поставщик неотрегулирует датчики. Работы должны были провести на следующей

неделе, и все решили, что за столь короткий срок с усадьбой ничего не случится.

– Так, с сегодняшнего дня будем снова ставить на охрану, – распорядилась Татьяна Ивановна. – Лучше я еще десять ночей не посплю, чем тут у нас что-нибудь украдут или испортят. Видишь, уже влезал кто-то этой ночью.

– Ой, – Марина, увидев следы на полу, в испуге приложила руку ко рту. – Татьяна Ивановна, миленькая, кому тут что-то понадобилось? В этой же комнате пока нет ничего. А остальные двери я заперла.

– Не знаю, Марина. Вполне возможно, что мальчишки соседские забрались. На спор или из баловства. Давай не будем никого вызывать, тем более что ничего не пропало. Попроси Михеича вставить стекло. Пусть Валя Резвухин ему поможет. И смотрительницы быстренько пол протрут. И да, Марина, – остановила она готовую бежать исполнять поручение девушку, – не говори никому об этом.

– Хорошо, – заместительница кивнула кудрявой головой с классической русской косой, доходящей до попы, и, стуча по деревянным полам каблучками, выбежала из комнаты. Шелест ее длинной юбки затих в отдалении.

– Странно, очень странно, – пробормотала себе под нос Татьяна Ивановна и, качая головой, прошла в свой кабинет, где ее тут же захлестнул водоворот ежедневных дел. Приняв решение включить сигнализацию, она сочла инцидент исчерпанным. И это было ее первой ошибкой.

* * *

Он подобрался совсем близко. Так близко, что мог регулярно слышать дыхание своей жертвы. Он так ненавидел эту толстую корову, что у него начинало уши закладывать.

Он знал, что именно так выглядит ненависть, вызываемая генетической памятью. По своему происхождению он должен был ненавидеть это быдло, дорвавшееся до сладкой жизни на том, что по праву принадлежало ему, только ему. Это ж надо было так разжиреть на его добре!

Мутная горечь поднималась в нем при мысли обо всей их семье. Если бы мог, он бы стер их с лица земли. Мерзкие бабы, все три! Но квинтэссенция ненависти, захлестывающей горло едкой волной, от которой он начинал задыхаться и судорожно кашлять, выделялась именно в тот момент, когда он был вынужден общаться с этой толстухой с вечно печальным и каким-то по-коровьи покорным выражением лица. Ему все время хотелось стереть это дурацкое выражение, припечатав рельефной подошвой ботинка. Но он был вынужден следить за собой, чтобы не напугать ее, не заставить задуматься, что в его приближении к ней есть что-то личное.

Мысленно выстраивая эту операцию, он быстро выяснил, что действовать через нее будет проще всего. Бабка непроста, ой непроста. Да и мамаша ей под стать. Такие печенку выгрызут, лишь бы не расстаться с чужим добром. А эта девка попроще. Будет хлопать глазами до тех пор, пока он не обведет ее вокруг пальца. А потом поздно будет. Она оглянется, а его уж и след простыл.

Как бы побыстрее понять, где именно они это прячут? Не пятиалтынный, поди, в кармане носить не будешь. Не знать про то, что клад где-то существует, они не могут. Не такой человек его прятал, чтобы контроль из рук упустить и перед смертью с кем надо информацией не поделиться.

Так что его задача – быстро выяснить, где лежит клад, забрать его, отдать покупателю, который уже копытом бьет

от нетерпения, получить деньги и свалить. В Париж, понятное дело. Ни дня он больше здесь не останется, чтобы на эту коровищу смотреть.

Он уже разведал много, очень много. По крайней мере, он точно знает теперь цифровой код, который закрывает доступ к кладу. Старый черт был тот еще умник, но и он ничуть не глупее – загадку про кроликов разгадал быстро. Загадку эту ему рассказал тот же человек, что и саму историю с кладом. Старый черт не утерпел – хоть с одним человеком, да поделился. Вот уж действительно, кролики – это не только ценный мех. Это путь к свободе, которую могут дать лишь деньги. Много-много денег, и он уже практически подобрался к ним. Надо только использовать дуреху, которая стоит у него на пути. Использовать, а потом выкинуть, как старую, никому не нужную линялую тряпку. У него обязательно получится. Не может не получиться.

* * *

В жизни – как в бане. Хочешь – паришься, хочешь – нет.

Этот нехитрый афоризм я вычитала в недрах Интернета. Теперь вот хожу парюсь – правда это или все-таки нет.

Я ко всему в жизни подхожу крайне серьезно. Мне кажется, что если заранее продумать все неприятности, которые могут случиться в ближайшие десять лет, и как следует к ним подготовиться, то последствия можно будет минимизировать.

Как следствие, на моем балконе можно найти завалы различной крупы, сахара, муки, тушенки и прочего подсолнечного масла, купленные на случай окончательного обва-

ла рубля. Рубль пыхтит и с переменным успехом держится на плаву, а вот срок годности многих купленных продуктов уже того... утонул. Бабуля смеется, а мама скептически поднимает брови, но я уверена в своей правоте!

Периодически я выкидываю ворох просроченных таблеток, купленных на случай возможной болезни. В отпуске я таскаю за собой тяжеленный чемодан, потому что в нем есть одежда и на аномальную жару, и на арктический холод. И для меня, и для мальчишек. Кроме того, я обязательно беру с собой запасную обувь, потому что вдруг основная порвется.

Я парюсь по поводу возможной плохой погоды, невозможного на данный момент увольнения, будущего, которое вдруг не сложится у моих сыновей так, как я запланировала. Я боюсь потерять трудоспособность и умереть с голоду, переживаю, что мой уровень жизни (хотя трудно назвать это уровнем) поскользнется и упадет, что мой муж меня не любит, а если любит, то разлюбит и полюбит другую.

Внучка бабулиной подруги, к примеру, не парится ни о чем. Ей плевать, что она не закончила свое высшее образование. Ее не волнует, что она уже полгода безработная. Ее не напрягает, что ей уже за тридцать, а она так и не сходила замуж. Ей без разницы, что ее мама переживает о ее неудавшейся судьбе. Она с самого детства делает только то, что считает нужным и интересным на данный момент. И все. Остальное ее абсолютно не парит.

Вчера бабулина подруга по страшному секрету рассказала ей, а бабуля мне, что эта самая внучка ждет ребенка от олигарха. С ним она встречается те полгода, что безработная. Как раз уволилась потому, что нужно было летать за ним по всему миру. Сегодня Стамбул, завтра Берлин,

– ЛЮДМИЛА МАРТОВА –

послезавтра Балеарские острова. Сами понимаете, когда тут работать?

Насчет того, что ребенок появится вне брака, она тоже не парится. Некогда. Они сейчас с олигархом пребывают в споре, какую покупать квартиру – с видом на море (да, она теперь живет там, где есть море) или с видом на парк. То есть в споре родится истина, а ребенок родится уже в новой квартире.

В общем, теперь я парюсь по новому поводу – зачем я всю жизнь так парюсь? Наверное, надо уже перестать. Но парильщики со стажем уверяют, что это не так-то просто.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Один—один. Боевая ничья

*Никогда не опускайте голову.
Держите ее высоко.
Смотрите миру прямо в глаза.*

Хелен Хеллер

День не задался с самого утра. Проснувшись, Лера обнаружила, что в постели она одна, и, вспомнив, что муж на суточном дежурстве, расстроилась из-за его отсутствия. За две недели семейной жизни она к нему как-то уж совсем основательно прикипела.

За окном обнаружился дождь. Даже не то что дождь, а самый настоящий ливень. Такая погода всегда наводила на Леру тоску, поэтому, набодяжив себе в большой мужниной кружке растворимого кофе, она загрустила, глядя на потоки воды на невытом еще с зимы оконном стекле.

«Надо окна помыть, — отстраненно подумала Лера. — Вот на майские будет четыре выходных, и один надо обязательно посвятить мытью окон».

На ее девятом этаже это всегда превращалось в испытание. Высоты Лера боялась панически, поэтому и оттягивала весеннюю уборку как можно дольше. У бывшего начальника ее цеха в Москве при мытье окон с десятого этажа

соскользнула и разбилась насмерть сестра, и он переехал в столицу, чтобы воспитывать оставшихся без матери племянников. Бывший начальник жил бобылем, поэтому мог себе позволить такие жизненные кульбиты.

После этого случая Лера стала бояться мыть окна еще сильнее, а на место старого начальника пришел новый, после чего жизнь как-то разладилась. По крайней мере в ее рабочей части.

Отставив кружку с гадостным привкусом – растворимый кофе она терпеть не могла, но варить вкусный ей сегодня особенно не хотелось, – она разбудила детей, накормила их завтраком, отправила в школу и пошла на работу, которую в последнее время почему-то не любила. Впрочем, у этого «почему-то» было вполне конкретное обоснование – новый начальник.

Сегодня он как-то по-особенному лютовал и даже довел Леру до слез, что случилось с ней примерно раз в пятилетку. Запершись в туалете, она всласть нарыдалась, потом подумала, что ее лицо напоминает немытое оконное стекло с мутными потеками растекшейся туши, прыснула, поскольку обладала хорошим воображением, потом умылась и, решив, что начальник не стоит ее слез, гордо двинулась обратно в цех.

Вот тут-то и позвонила бабуля, которая с детства раньше всех чувствовала внучкины неприятности и спешила с каким-нибудь своевременным утешением.

– Пойдем в кафе, а, Лерочка, – предложила она, и Лера тут же радостно заулыбалась.

Бабулю она обожала. Совместные походы в кафе были их маленьким развлечением. Примерно раз в месяц они вдвоем, всегда только вдвоем, выбирались в «Шоколадни-

цу», чтобы полакомиться пирожными и кофе со сливками. Правда, Лера всегда при этом чувствовала себя клятвопреступницей, потому что много раз зарекалась при своей фигуре есть сладкое, но бабуля как-то очень убедительно умела уговаривать ее совесть.

– Себя надо любить и баловать, – непререкаемым тоном заявляла она. – У женщины должны быть маленькие слабости. А съесть одно – хорошо, два пирожных – не самое большое из безумств, которое может позволить себе женщина.

С момента своего нового замужества Лера еще не водила бабулю в кафе, поэтому очень обрадовалась.

– Ой, а что я Олегу скажу? – спохватилась она.

– Правду, – слегка удивилась такой постановке вопроса бабуля. – Ты же не с любовником на Канары отправляешься, а со своей престарелой бабкой в кафе. Почему он должен быть против?

– Он не будет против, – убежденно сказала Лера, – он мне вообще ничего не запрещает, просто он наверняка подумает, что я и так жирная, а еще пирожные трескаю.

– Он хотя бы раз оговорил тебя, когда ты что-то ела?

– Нет.

– Ну, так какая тебе разница, что именно он думает? Лерочка, ты уже взрослая девочка, а все еще теряешь время на такую ерунду, как общественное мнение.

– Какое ж это общественное? – голос Леры звучал задумчиво. – Это ж мой муж.

– Тем более, он уже на тебе женился, хотя, как ты знаешь, меня это удивляет. Ты меня прости, детка, но ты выиграла сто тысяч по трамвайному билету.

– Знаю-знаю, – голос Леры зазвучал совсем уныло. – У меня двое детей, и я толстая, поэтому на мне никто не может жениться в здравом уме и твердой памяти. Но Олег все-таки женился, а в здравости его ума я не сомневаюсь.

– Соболева! – Начальник гаркнул над ее ухом так, что она даже подскочила от неожиданности. – Ты когда-нибудь работать начнешь или нет? Я тебя премии лишу.

– Все, бабуль, – шепнула Лера в трубку, – в шесть часов встречаемся у кафе. Хорошо?

Бабуля, несмотря на то что ей скоро должно было исполниться восемьдесят девять, в кафе всегда добиралась сама. Это тоже было обязательной частью их маленького ритуала. Лера сначала с этим спорила, потому что ей все время мерещились разные происшествия, в которых бабуля могла сломать шейку бедра или удариться головой, а потом перестала. Воля у бабули была железная, поэтому спорить с ней было делом гиблым.

Воровато оглянувшись на начальника, который отошел на другой конец цеха и уже там кого-то распекал, она быстро набрала номер мужа.

– Олег, я после работы бабушку в кафе свожу? У нас с ней традиция такая. Я быстро, часа полтора всего. Еда есть.

– Да ради бога, – невозмутимо ответил Олег. – Я прослежу, чтобы пацаны поели, а сам тебя дождусь, не люблю есть один.

– Я не стану есть, я же после кафе буду, – виновато сказала Лера.

– Ну, значит, ты со мной посидишь и посмотришь, как я ем, – покладисто согласился муж. – Ты не торопись. Удели

время бабушке, а то я чувствую себя виноватым, что ты из-за меня ее совсем забросила.

Настроение у Леры улучшилось. Олег был просто золотом, а не муж. Фамилия Золотов удивительно ему шла. И Лера в очередной раз мысленно спросила у небес, за что ей привалило такое счастье.

Кофе был горячим, воздушная шапка сливок таяла во рту, маленькие шоколадные профитролы, самое любимое Лерино лакомство, радовали глаз и вкусовые рецепторы. На бабуле была маленькая красная шляпка-таблетка, черные брюки, черный свитер и ярко-красный шарф. Старческие пальцы, униженные крупными серебряными перстнями, элегантно держали чашку. Бабуля сидела с прямой спиной, не откидываясь на спинку стула, и на нее оборачивались все посетители, так она была безупречно прекрасна.

– Почему я никогда так не выгляжу? – мимоходом подумала Лера, целуя теплую морщинистую щеку, пахнущую духами «Клима». Только «Клима», других духов бабуля не признавала.

– А ты похудела...

Шлепнувшись на кожаный диванчик напротив бабулиного стула Лера с изумлением воззрилась на старушку.

– Ну, ты скажешь, ба...

– Ты похудела, и это заметно невооруженным глазом.

– Не знаю, моему глазу это незаметно, – заявила Лера. – И по одежде тоже не скажешь.

– А ты встань на весы и увидишь, что я права, – бабуля аккуратно откусила от крохотного профитроля и сделала глоток капучино. – Ну, давай, рассказывай, что наш муж?

Олег бабулю интересовал необычайно. Когда они встречались, Лера постоянно ловила заинтересованный взгляд, который старушка то и дело останавливала на ее муже. Видимо, переживала за внучку.

– Да все хорошо, ба, – беззаботно сказала Лера и, вздохнув, тоже начала поглощать пирожные, которые обожала. – Правда, я уже и забыла, что в семейной жизни может быть так хорошо.

– А что... Игорь? – Лера оценила деликатную паузу, которую бабуля сделала перед тем, как произнести имя ее бывшего супруга.

– Да ничего, – призналась Лера. – Последний раз он бушевал, когда ему мальчишки сказали, что я замуж выхожу. Орал, что проклянет, что деньги давать перестанет.

– Ну и как, перестал? – спросила бабуля с живым интересом.

– Месяц еще не кончился. В начале апреля я из него с боем алименты достала, а май еще не наступил. Поживем – увидим. Не звонил пока, слава богу.

– С тебя, малахольной, станется пойти у него на поводу и отказаться от алиментов. Даже не вздумай. Это его дети, он обязан их содержать, в отличие от твоего нового мужа. Так что не надейся, что он их прокормит.

– Да я и не надеюсь, – призналась Лера. – Ба, он же тоже алименты платит. Так что с его зарплатой особенно не разбежишься. На двадцать тысяч дай бог его самого прокормить и одеть, так что в плане Степки с Антошкой я даже и не рассчитываю. Ты мне лучше про себя расскажи. Как ты себя чувствуешь? Как Марианна Петровна и Светлана Константиновна?

Эти две дамы весьма уважаемого возраста всю жизнь были бабулиными ближайшими подругами. Их общество и дружбу она ценила безмерно.

– Ой, – старушка оживилась. – Я тебе сейчас расскажу. Марианна-то учудила. И смех и грех. У нее с пасхи яйца крашеные остались. Она покрасила импортными красителями, и зеленые, и синие, и серо-буро-малиновые. И разложила по всему дому в виде художественных композиций. Овечек среди них посадила керамических, зайчиков, веточки вербы в воду поставила. Красота была несусветная.

– И? – Лера откровенно любовалась бабулей, у которой в предвкушении развязки рассказа даже глаза заблестели.

– Разобрала она эту композицию только позавчера. И, чтобы добро не пропадало, решила пирожки напечь. С яйцом.

– Так Пасха же двенадцатого апреля была, а сегодня двадцать девятое...

– Так то-то и оно. Пирожки с тухлыми яйцами – вершина кулинарной мысли. Марианна еще меня в гости звала, да я поленилась. Вот уж бог отвел. Пришлось моей милой подруге одной все пирожки доедать. Ты же знаешь, она еду из принципа не выбрасывает. Так что весь вчерашний день Марианнушка провела в туалете. С белым другом общалась, поворачиваясь к нему разными сторонами. Ванька-встанька престарелая.

– Ужас, – Лера представила себе мучения несчастной Марианны Петровны и содрогнулась.

– Так конечно, ужас. Звонит мне под вечер из сортира, чуть не плачет. А я ей говорю: «Жадность наказуема, дорогая моя».

По счету расплачивалась, как всегда, бабуля, решительно отвергнув предложенные Лерой деньги.

– Лучшее – детям, – отрезала она.

– Ба, ну у тебя же пенсия меньше, чем у меня зарплата.

– Много ли мне, старухе, надо. И вообще, слава богу, пока не бедствую. Так что не о чем говорить. Ты меня проводишь?

– Конечно, – с готовностью ответила Лера, украдкой посмотрев на часы. По всем прикидкам выходило, что ее опоздание домой еще не выглядит неприличным.

Бабуля жила недалеко, всего-то в трех кварталах от кафе. Дождь к вечеру кончился, поэтому они обе с удовольствием брели по умытым улицам, вдыхая весенний запах готовой распусться листвы. К концу пути бабуля все-таки устала, хотя не подавала виду и бодро обсуждала с Лерой модный нынче фильм, а также запрет нашумевшей театральной постановки, в которой какой-то особенно ретивый чиновник обнаружил глумление над христианскими заповедями. Ей все это было интересно, и, несмотря на возраст, руку на пульсе жизни бабуля держала крепко. Лера сомневалась, что в столь преклонные годы будет на это способна. Она даже не была уверена, что до этого возраста доживет.

В подъезде бабуля тяжело оперлась на ее руку, но все-таки преодолела несколько пролетов, отделяющих их от квартиры на втором этаже.

– Хорошо, что не пятый, – традиционно заметила она. – Дом-то хоть и обкомовский, но без лифта.

Дверь в квартиру – просторную четырехкомнатную квартиру добротного, действительно «обкомовского» дома – оказалась приоткрытой. Лера встревожилась.

– Ба, ты что, уходя, дверь забыла запереть? – спросила она, чувствуя холодок под ложечкой. Забывчивостью бабуля не страдала.

– У меня, слава богу, не маразм, – с достоинством ответила старушка. – И Альцгеймер у меня пока еще не поселился.

– Бабуля, постой тут, я посмотрю, – почему-то шепотом сказала Лера и, толкнув дверь, вошла в темнеющий перед ней прямоугольник коридора. Влажной от страха рукой она нащупала на стене выключатель, вспыхнул свет, озарив пространство, заполненное антикварной мебелью, и Лера на цыпочках сделала несколько шагов и заглянула в гостиную.

Здесь царил разгром. Открытые шкафы и ящики комода щетинились каким-то тряпьем. Пол был засыпан бумагами и книгами, сброшенными с книжных полок, секретер вскрыт. Лера опрометью бросилась в другие комнаты и с ужасом убедилась, что неизвестный злоумышленник, пробравшийся в бабушкину квартиру, похозяйничал и там. Из гостиной раздался тихий стон. Посредине разгрома, приложив руку ко рту, стояла бабуля, которая повернулась на внучкины шаги и начала тихо оседать на пол в глубоком обмороке.

* * *

Проводив «Скорую», Лера в глубокой задумчивости вернулась в гостиную. Бабуля после сделанного ей укола спала, по-детски подложив ладони под щеку. Лера подняла с пола старую шаль, любовно связанную крючком. На каком-то этапе своей жизни бабуля увлеклась вязанием. Ниток тогда в продаже особо не было, доставать их дед ка-